

суща, свѣтлы и бѣлы ризы носяща, подобіе же ихъ образа сѣдинами украшена суть, на ризахъ же ихъ кресты изображены, въ правую руку у стоящаго мужа въ рукахъ священное евангеліе, вельми свѣтло сіяюще».¹

Видение Герасиму в ряде деталей совпадает с аналогичным же видением Саввы Грудцына: здесь тоже «два мужа», причем они «сѣдинами украшена» и один из них, конечно, Иоанн Богослов, исконный спутник и хранитель девы Марии, как об этом свидетельствуют весьма древние апокрифические сказания.

Исцеление больного, и в частности бесноватого, в церкви у иконы богородицы — это обычный финал богородичных легенд. Почти в каждом сказании о богородичной иконе мы находим несколько легендарных исцелений бесноватых. Не только общая сюжетная схема этих легенд, но и ряд образов, положений и словесных формул здесь те же самые, что и в развязке «Повести о Савве Грудцыне».

В сходных чертах описываются проявления болезни;² больной дает обещание по выздоровлении поступить в монахи;³ в видении больному является богородица и повелевает идти в церковь и помолиться перед ее образом;⁴ исцеление происходит в церкви перед образом во время литургии и т. п.

Мы далеки от мысли локализовать эти мотивы, сходные с «Повестью о Савве Грудцыне», только в богородичных сказаниях и легендах. Ни в какой мере. Мы находим их в большом количестве в поздних (XVI в. и особенно XVII в.) житиях святых, в так наз. «посмертных чудесах».⁵

¹ См. «Яросл. епарх. ведом.» 1877, II, стр. 219. См. также «Сказание об Югской иконе» (ibid. за 1890 г., II, стр. 262). «Сказание о Ярославско-казанской иконе» (ibid. за 1870 г., II, стр. 226); «Сказание об иконе Красноборской» («Чтения в Об-ве истории и древн. российск.» 1913, кн. I, III, стр. 53).

² См. «Яросл. епарх. ведом.» 1890, II, стр. 260 (ч. 13).

³ См. «Яросл. епарх. ведом.» 1880, II, стр. 278 (ч. 23).

⁴ Ркп. Акад. Наук, К. 55, лл. 21—22. См. также «Сказание об Югской иконе» («Яросл. епарх. ведом.» 1890, II, стр. 252; 258—259; 259; 260; 261; 263—264; 265); «Сказание об иконе на Толге» («Яросл. епарх. ведом.» 1880, II, стр. 276; 277; 278); «Сказание об Исаковской иконе» («Яросл. епарх. ведом.» 1877, II, стр. 14; 19; 22); «Сказание об иконах Владимирской и Грузинской на Красной Горе» (ркп. Акад. Наук, К. 55, лл. 21 (ч. 6); л. 29 (ч. 22); л. 34—35 (ч. 27)).

⁵ См. напр., «Житие Моисея, архиепископа Новгородского» («Памятн. старин. русск. литературы», вып. IV, стр. 12—13); «Повесть о Михаиле Клопском» (ibid., стр. 49); «Повесть о Мартирии» (ibid., стр. 63); «Повесть о Ефросине» (ibid., стр. 102—103; 104—106; 106—107; 107; 108; 109; 113); «Книга о новоявленных чудесах преподобного Сергия Симона Азарыина (см. «Памятн. древн. писъм.» 1888, LXX вып.).

Мотив «видений» во сне и экстазе, вне всякого сомнения, восточновизантийского происхождения. Об этом свидетельствует ряд легенд патериков (см. «Палестинский патерик», вып. 5, СПб., 1895 г., стр. 45; «Луг духовный» Иоанна Мосха. Перевод Хитрово. 1896 г., стр. 3—4, 61, 155, 158, 174; «Древний патерик, изложенный по гл. вам». М., 1874, стр. 428—429).

О «видениях» в греческой легенде и о врачебных инкубациях см. Д. Шестаков, Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910, стр. 129, 150—151, 207—208, 211.